

Литературные известия

№ 6 (228)

Июнь 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

«В СТРАНУ СВОБОДЫ...»

(В ГОД 225-ЛЕТИЯ А. С. ПУШКИНА)

Памятная годовщина со дня рождения **Александра Сергеевича Пушкина** (1799–1837) с новой силой ставит вопросы постижения неизведанных глубин творческого наследия гения.

<...> Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну <...>!, —

так провидчески писал Пушкин в «Евгении Онегине» (1823–1831). Этот роман в стихах с его обширными и многообразными лирическими отступлениями был справедливо оценен литературным критиком В.Г. Белинским (1811–1848) как «самое задушевное произведение Пушкина, самое любимое дитя его фантазии, в которой личность поэта отразилась с такой полнотой, светло и ясно. Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его, здесь его чувства, понятия, идеалы».

Пушкин по-прежнему дарует все новым и новым поколениям живущих — «племени младому, незнакомому» — радость приобщения к своему художественному миру, доброкачественную духовную пищу для сердца и ума.

Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой! (4, 126)

«Здесь нет красноречия, здесь одна поэзия; никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутреннего блеска, который раскрывается не вдруг; все лаконизм, каким всегда бывает чистая поэзия. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт»², — восторгался пушкинским творчеством еще один наш гениальный писатель-классик Н.В. Гоголь (1809–1852).

По своему необъятному таланту, непревзойденному художественному мастерству Пушкин неизмеримо возвышается над всеми теми,

<...> которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть, и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно! (1, 356)

Но не только эстетическое наслаждение доставляет чтение произведений Пушкина. В нем нередко обретаем мы утешение среди бед и невзгод, житейских бурь и гроз, спасение от душевных тревог и отчаяния:

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило (2, 96).

Христос укорял учеников: «Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните?» (Мк. 8: 17–18). Уберечь человека от подобного греха «окамененного нечувствия» также способны вдохновенные пушкинские строки:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И наконец окаменеть (4, 130).

Перечитывая Пушкина, еще пристальнее вглядываемся мы в современные события, стараемся осмыслить их сущность в перспективе будущего.

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта восторгнется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы (2, 179).

Поэт-пророк не сгибался перед теми, кто «жадною толпой» стоял «у трона» и кого впоследствии М.Ю. Лермонтов (1814–1841) в стихотворении «Смерть поэта», посвященном трагической гибели Пушкина, назвал «Свободы, Гения и Славы палачи!»:

Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.

Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!³

Опираясь на свой собственный горький жизненный опыт, Пушкин утверждал:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу (2, 196).

«Светоч», «дивный гений», кому Господь послал «свободный смелый дар», не мог и не желал склоняться или безмолвствовать перед несправедливой властью и ее бесчеловечными установлениями — «перед позором наших лет»:

Ты, слово, звук пустой... О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет (2, 84).

В кругу многообразных тем и мотивов пушкинской лирики, отразившей «все впечатленья бытия», особое место занимает тема свободы в самом широком понимании: свобода взглядов и убеждений, личная независимость, политические права и свободы, освобождение народа и страны от самодержавно-крепостнического гнета. Неустрашимый певец «вольности святой», «свободы сеятель» в своей вольнолюбивой лирике: «Вольность», «К Чаадаеву», «Noël. Сказки», «Деревня», «Свободы сеятель пустынный...», «Кинжал», «Узник», «Андрей Шенье», «Во глубине сибирских руд...», «Арион» и во многих других поэтических шедеврах — отважно призывал сбросить мертвящие оковы, направить мощные народные силы, до поры подспудно дремлющие, на освобождение от рабства, деспотизма, тирании.

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?

<...>
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разружьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод (2, 9).

В свой «жестокий век» Пушкин неустанно прославлял свободу, во имя ее приближения и победы совершал свой писательский подвиг. В арсенале поэта — самые разные средства художественной выразительности. Возвышенным слогом в жанре оды воспевает Пушкин «Свободу миру», подчеркивая ее непреходящую духовно-нравственную, социально-политическую ценность и высоту прописной буквой:

Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.
<...>
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы! (1, 44)

Продолжение на стр. 2

Сегодня в
номере:

Атланты литературы

*

Поэзия

*

Интервью

*

Рецензии

*

Они ушли. Они остались

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ

«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 21 ГОД

МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!

www.west-consulting.com.ru

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

«В СТРАНУ СВОБОДЫ...»

(В ГОД 225-ЛЕТИЯ А. С. ПУШКИНА)

Продолжение. Начало на стр. 1

Остроумно использует поэт и шутливо-ироничный стиль, когда говорит о бессмысленном долготерпении народа, помрачении его разума, препятствующем обновлению и воскрешению жизни многострадальной России:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию Неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез (1, 356).

Жажда свободы с исключительной эмоциональной глубиной проявлялась и в глубоко личных, лирических стихотворениях. Например, в изящном маленьком шедевре «Птичка», созданном в южной ссылке. В основу лирического сюжета положен православный обычай на праздник Благовещения отпускать на волю певчих птиц, которых до весны держали в клетках. Соблюдая эту милую русскую традицию, сам поэт — звонкоголосая птица певчая — продолжает оставаться в неволе.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.
Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать! (2, 7)

Уже в XX столетии замечательный поэт Серебряного века Александр Блок (1880–1921) мысленно обращался за духовной поддержкой к величайшему русскому певцу свободы Золотого века русской литературы:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!
(«Пушкинскому Дому»)

Чувство личной свободы, как воздух, было жизненно необходимо Пушкину для творчества:

Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум (4, 34).

Однако чаще всего гениальный поэт ощущал себя словно в оковах: опасности, политические гонения, ссылки, полицейский надзор, цензурные препоны, недоброжелательство, зависть и травля светской черни («свет завистливый и душный», как характеризовал высшие круги «клеветников ничтожных» Лермонтов) — без конца преследовали Пушкина, отравляли недолгие годы его быстротечной жизни.

Завтра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым:
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою (1, 353).

Нелегкая судьба изгнанника капризна, своенравна, враждебна человеку, от Бога получившему дар свободы:

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь. —
Всегда гоним, теперь в изгнание
Влачу закованные дни (2, 28).

Это стихотворение «К Языкову («Издревле сладостный союз...»))» было создано в Михайловской ссылке. «Изгнания темный уголок» томил одиночеством, тоской, унынием. Пушкин звал в гости своего друга-стихотворца Н. М. Языкова, считая его «родней по вдохновенью».

Надзор обманом караульный,
Восхвалим вольности дары
<...>
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним (2, 29), —

мечталось поэту-изгнаннику, находившемуся под неусыпным полицейским надзором.

Друг не приехал, лишь отозвался в ответ стихотворением «А. С. Пушкину» («Не вовсе чужа Бога света...»). «Скуку зимних вечеров» заточенный в глуши поэт пытался развеять общением с единственным своим собеседником — старушкой-няней Ариной Родионовной. Ее образ, ставший легендой, увековечен в пушкинских стихотворениях «Зимний вечер», «Няне». Благодарность, нежность к состарившейся женщине из народа, нянчившей поэта с колыбели, родство духовное с дорогим человеком захлестывают эти стихи такой волной душевной теплоты, какая нечасто встречается даже в любовной лирике:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня (2, 152).

«Бегут, меняясь, наши лета, / Меняя все, меняя нас» (2, 307), — философски замечал Пушкин. Но неизменной оставалась мысль об освобождении от гнета, в каком бы виде он ни проявлялся: социально-политическом, экономическом, бытовом, в виде бремени светских условностей («условий света свергнув бремя») или вязкой «тины мелочей».

Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
(«Стихи, сочиненные ночью
во время бессонницы» — 2, 318).

«Жизни мышья беготня» отнимает драгоценное время, подтачивает физические и душевные силы, препятствует движению на пути к идеалу. Поэту желалось освободиться от обыденной, докучливой «суеты сует»:

Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
(«Надеждой сладостной младенчески дыша...» — 2, 12)

Эта идея доминирует в системе поэтической образности множества пушкинских произведений. Один из любимых символов — образ моря — могучей, своевольной, никому не подвластной «свободной стихии» («Погасло дневное светило...», «К морю», «Завидую тебе, питомец моря смелый...» и др.):

Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан (2, 11).

Вольнолюбца Пушкина не оставляли мечты об освобождении, мысли о побеге из ссылки. Эти мотивы нашли поэтическое выражение не только в лирике, но и в стихотворном романе «Евгений Онегин»:

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней;

Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег (4, 30–31).

«Пора, мой друг, пора!..» — словно вторил самому себе несколько лет спустя Пушкин, уже освобожденный из ссылки, вернувшийся в столицу из изгнания. Но с прежней остротой — «духовный труженик, влача свою веригу» (2, 441) — ощущал суровые тиски неволи:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег (2, 387).

В стихотворении «Не дай мне Бог сойти с ума...» тоска по воле выражена с необыкновенной лирической силой:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.
И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса (2, 384).

Той же идеей проникнуто стихотворение «Странник»:

Пошел я вновь бродить,
уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник,
из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя
спешащий на ночлег (2, 441).

В сюжете отразились евангельские мотивы неустанного стремления от рабства, душевной тьмы к внутренней свободе, простору и свету, к спасению через духовный подвиг — «тесные врата», «потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7: 14). Это новозаветное наставление преподано лирическому герою-страннику в диалоге с повстречавшимся на пути таинственным юношей, который тихим взором, вдумчивой речью, всем духовным обликом своим напоминает ангела:

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг (2, 442).

Знаменательно, что семья, друзья и близкие сочли лирического героя безумным, пытались препятствовать ему. Однако именно все эти далекие от Бога, самоуверенные «сбиватели» человека с единственно верного пути — духовно незрячие и душевно поврежденные существа. Пусть они в большинстве, но им нельзя слепо подчиняться, необходимо противостоять им, хотя бы и малыми силами, уповая на помощь Божию. Слова библейского пророка предостерегали: «Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на ложе твоем стереги двери уст твоих. <...> враги человеку — домашние его. А я буду взирать на Господа, уповать на Бога спасения моего» (Мих. 7: 5–7). Святые апостолы Пётр и Иоанн смело возражали иудейским начальникам и старейшинам, самонадеянно считавшим себя высшими авторитетами: «судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4: 19)

В отличие от внутренне непросветленной массы, герою пушкинского стихотворения ясно открылась Божественная истина. И странник спешит ей навстречу, торопливо удаляясь от своего прежнего окружения:

Окончание на стр. 3

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

«В СТРАНУ СВОБОДЫ...»

(В ГОД 225-ЛЕТИЯ А. С. ПУШКИНА)

Окончание. Начало на стр. 1

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата (2, 442).

«Заветная лира» Пушкина пробуждала и продолжает будить в людях «чувства добрые», «милость», «свободу» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...») — все непреходящие духовные ценности. Поэт призывает сохранять душевную бодрость, жизнеутверждающий дух, не сходить с праведного пути:

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с Богом он дале пускается в путь (2, 52).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. — М.: ГИХЛ, 1959–1962. — Т. 4. — С. 126. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. — М.: АН СССР. — Т. VIII. — С. 55.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — СПб.: Пушкинский Дом, 2014. — Т. 1. — С. 275.

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия

«АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства —
первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрёв, Андрей Ширяев, Ян Бруштейн, Анатолий Кудрявицкий, Сергей Попов, Александр Тимофеевский, Сажа Вепревадзе, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацюба, Юрий Казарин, Юрий Влодов, Евгений Волков, Лидия Григорьева/Роза Виноградова, Анатолий Малкин, Ольга Ильницкая, Александр Казинцев, Ольга Ефимова, Григоре Кипер, Ирина Голубева, Александра Крючкова, Любовь Берёзкина, Елена Талленика, Николай Архангельский и Елена Ткачевская.

НОВИНКИ СЕРИИ

Вячеслав Харченко
и Аттила Ф. Балаж.

Книги выходят
по инициативе издателя —
кандидата филологических
наук, Президента СП XXI века
Евгения Степанова.
[https://reading-hall.ru/
publishers/i-e-stepanova.php](https://reading-hall.ru/publishers/i-e-stepanova.php)

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ СУХОВ
И РОДИЛА ВОЙНА ПОЭТА

Валерий Сухов — поэт, редактор, ученый. Родился в 1958 году в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский педагогический институт и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем в университете. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор семи поэтических сборников и публикаций в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Молодая гвардия», «Подъем», «Русское эхо», «Простор», «Аргмак», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Волга XXI век», «Второй Петербург», «Аврора», в альманахах «Литкузница», «Царицын», «День поэзии XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, Всероссийской премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!». Живет в Пензе.

И РОДИЛА ВОЙНА ПОЭТА

Я у пушечки своей стою.
У своей стою сорокопятаки.
Фёдор Сухов

Село мое — Красный Осёлок.
Фёдор Сухов

Осёлок Красный — Палестина.
С войны седым вернулся сын.
Сурово вытерла холстина
В подглазьях капельки росы.

Фундамент дома — древней кладки.
И в яростном творя родстве,
Сгорал он у «сорокопятаки»
На аввакумовом костре!

Об этом помнит то лишь лето,
Когда под перекрестный гром
И родила война поэта,
Хоть он еще не знал о том...

НУТРО ВОЙНЫ

«Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал.
Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку,
ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал.
Рана — аж нутро видно. Везут на санях. Потом
довезли до Козельска. Там валялся в соломе и вшах.
2 января 1942».

Из дневника Семёна Гудзенко

Осколок мины
Обжигал живот!
От жажды на губах —
Сухая пенка.
В нутро войны
Глядел поэт Гудзенко,
Кусая рот...

От боли волком воя,
Не заплакал
В санбате на соломе,
Весь во вшах...
Сгорая, правды
Жаждала душа,
В горячке прохрипев
«Перед атакой».

ПАХОТА ВОЙНЫ

Когда черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.
М. Кульчицкий

Копай окоп, коль жить охота.
С лопатой думай о родне.
Как пашет на войне пехота,
Знать можно только на войне.

Пуды от пота съели соли.
Когда «арта» свершит свой суд,
Тогда кровавые мозоли
От смерти, может быть, спасут...

Ни батальона нет, ни роты.
И уголек погас в золе.
Когда взойдут победы всходы,
Солдаты будут все в земле.

ФАНТОМНАЯ ПАМЯТЬ

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах...
Арсений Тарковский
«Полевой госпиталь»

Душа и плоть
Расстались на войне.
Гореть устали
В адовом огне.
По полю пыльному
Уходит полк
Войной отнятых
Почерневших ног.
И нет конца
Их страшного пути —
Болят
Фантомной памятью
Культи.

ТРАВА

Разрыв-травой, травой-повиликой
Мы прорастем по горькой, по великой,
По нашей кровью политой земле...
П. Коган

Коган,
Майоров,
Суворов,
Кульчицкий.
Корни —
Кадыки и ключицы.
Мать-и-мачехи —
Одуванчики.
Звон колоколов
Золотых голов.
Прорастают —
За храмом храм —
Из земли
На подмогу
Нам!

БРАТСКАЯ МОГИЛА

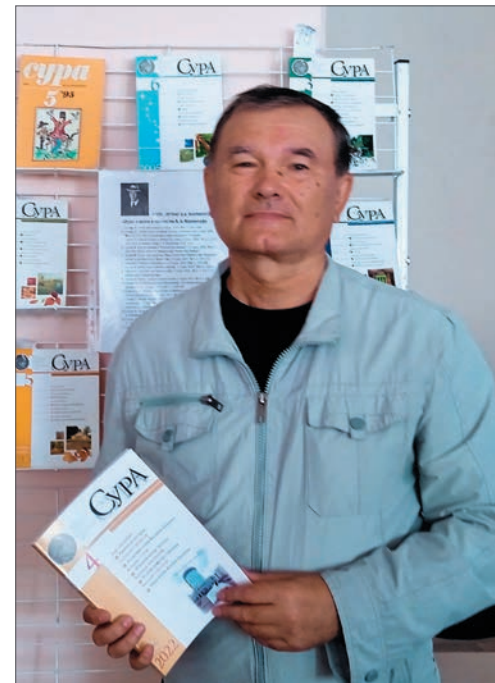
Не докурив последней папиросы.
Н. Майоров

Имя поколения —
Мы!
Во тьме могильной —
Их тьмы и тьмы.

Ночью
Не различаешь рук.
Кто рядовой.
Кто политрук.

От сокровенных
Политбесед
В небе —
Их папиросок
Свет.

От затяжек
Лежащих ниц
Озарены
Силуэты лиц.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТРОКА

Свой добрый век мы прожили, как люди —
И для людей...

Г. Суворов

Метаметафорами не богато
Скупое на тропы «Слово солдата».

Вышел сборник в сорок четвертом.
Автор его командовал взводом.

До первой книги он не дожил.
Очередью пулемет прошил...

Не фамилия полководца —
«Для людей» — в душе отзовется

Лейтенанта РККА
Заключительная строка...

«ФРОНТОВАЯ ПРАВДА» ВОЕНКОРА

Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!
П. Шубин

На своем стояла до упора
«Фронтовая правда» военкора.

Были лаконичны заголовки
Без фальшивой бодрой лакировки.

И стихи печатала газета,
Как передовицы, у поэта.

Знали: он не тыловая крыса.
И под Волховом с врагами бился.

У него — награды боевые.
Пили с ним в землянке «фронтовые».

Из газет крутили самокрутки
И смеялись от ядреной шутки.

Грела «Правда» горечью махорки
И была дороже хлебной корки!

ПОЭЗИЯ

ВАЛЕРИЙ СУХОВ
И РОДИЛА ВОЙНА ПОЭТА

Окончание. Начало на стр. 4

ЛОБОВАЯ АТАКА

Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.
С. Орлов

Молодой лейтенант улыбался у танка.
Через час началась лобовая атака!

Не успел он доесть подгорелую кашу...
Бронебойным «пантеры» заклонило башню.

И была беспощадной огня инквизиция.
Жадно пламя лизало губы, скулы, ресницы.

И всего ничего. Двадцать лет только прожил.
Руки, как головни. А лицо — ключья кожи...

Хоть в живых удалось ему чудом остаться,
Так открыто по-русски он не мог улыбаться.

РОДНЯ

И ты сказал, по-обычному просто,
Ленту новую заложив:
— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.
Давид Самойлов

«На первый-второй рассчитайся, взвод!»
Интеллигенция и народ.

«Семён Андреич! Алтайский пахарь!»
Спасен «царь Давид» был твоей рубахой.

Сам ты ее разорвал на бинты.
В памяти — горький дым беды...

Кровью друзей — не разлить — расчет
Пулеметчиков: чет? Нечет?..

Стала война великим Исходом
И породнила поэта с народом.

И победила страна, храня
В сердце заветное слово — родня!

ДВА ДНЯ

Я убит подо Ржевом...
А. Твардовский

Пушек
Жадные жерла,
Жертв вам мало,
Как будто...
«Я убит
подо Ржевом».
Я убит под
Под Бахмутом.

Мало
Пролили крови.
Не закончились беды.
И длиннее
День Скорби
Дня
Великой Победы.

НЕТ МОГИЛЫ ПОД МОГИЛЁВОМ

Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара...
К. Симонов

Где в сорок первом
На хлебе горелом
Танки остановили телом,

Развеяли пепел поэта над полем.
Такою была покойного воля.

Нет могилы под Могилёвом.
Остался в заклатье — памятным словом,

Воскресшем воистину — из огня:
«Жди меня!»

ПОЭЗИЯ — МЕДСЕСТРА

Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...
Юлия Друнина

Раненым
Помогать
Призванная
На фронте —
Не научилась
Лгать!
Лягушкой
Квакать в болоте.

Поэзия — медсестра.
Скорая помощь
Людям.
В агонии
Боль остра.
Подует —
Огонь остудит.

И пусть она
Ни шиша
За душой
Не имеет,
Онемее
Душа —
Дыханьем
Ее согреет.

Оценит тогда
Народ,
Смертельно
Когда заболит.

Поэзия
Многих спасет!..
Лишь себя —
Не сумеет...

СТРОГИЕ СТРОКИ

И он погиб: накрыло артогнем.
А не пошел бы — и остался жив.
Юрий Белаш

Двадцать лет молчал
И два года,
Память
Не сдавая в
Архив.
«Оглохшая» —
Услыхала пехота
В окопах
Откопанный
Горький стих.

Открывая
Поэзии прозу,
Он заставил
Запомнить навек
Мертвых
Живые
Теплые слезы.
На лицах товарищей —
Тающий снег...

Не стали делать
Солдат из стали.
Под «броником» — тело.
В теле — душа...
И актуальными
Снова стали
Строгие строки
Белаша.

ГРОВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Нас хоронила артиллерия.
К. Левин

Хоронить артиллерии
Нас — не впервой.
Лбами сшиблись империи
На войне мировой!

Прах развеет по полю,
Не артачась, «арта»...
«Градом» ведает воин
Из бригады «Орда»!

И глаза его — лезвия.
Око Ярое жжет!
Грозное возмездие
С неба грядет!

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

новая современная писательская организация,
идушая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей.

ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ПЛК (Профессиональные литературные курсы)

Занятия для членов СП XXI века проходят на безвозмездной основе.
Запись на ПЛК по телефону 8 (495) 978 62 75 (с 10.00 до 17.00)

www.writer21.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НАША
ПОЧТА

После публикации в «Литературных известиях», № 4, 2024, статьи Евгения Степанова «Как можно улучшить положение дел в литературном процессе: взгляд практика» в редакцию пришло много писем.

Публикуем одно из них, которое прислал известный московский поэт Пётр Гулдедава.

Ждем новых интересных материалов по этой наболевшей теме.

Редакция

СЕРДИТЫЕ ЗАМЕТКИ

Большинство нынешних писательских объединений — это свободные творческие единицы, для придания веса зачастую пополняемые нулями.

Для нас, хлебнувших поэтического зелья «шестидесятых», когда щедрая коровка государства давала молочко за любой изданный писк, поэт действительно был больше, чем поэт. Уже само вступление в Союз писателей СССР означало не только переход в элитарную «касту» всенародно почитаемых людей, но и доступ к высоким гонорарам. Поэтому уровень отбора был чрезвычайно высоким, и на его основе в Союз допускались только лучшие из лучших.

Сегодня практически любой желающий свободно может вступить не в одну, так в другую «независимую творческую контору», коих — по причине отсутствия цензурных рестрикций — расплодилось немыслимое количество. Для этого надо просто пожертвовать суммой денег эквивалентной стоимости примерно центнера достаточно недорогой колбасы на издание одной-двух книжек и оплату вступительного взноса.

Конечно, никто никого насильно не заставляет регистрироваться в каком-либо писательском сообществе. Стихи, как дети любви, могут родиться и в «гражданском браке». Но их рождение пройдет незамеченным, без презентаций со «свадебными литературными генералами» и без рецензий в прессе. А поскольку поэзией, как правило, интересуются полтора-два процента населения, то можно быть уверенным, что при любом уровне дарования — известность, а тем более слава автору не грозят.

Живи спокойно, дорогой товарищ! Получи очередной упрек от благоверной за то, что вместо того чтобы по-мужски озаботиться добычей хлеба насущного, тратишь семейные ресурсы на никому, кроме таких же «умников», не нужные «антимонии».

Получи порцию комплиментов и удивления от родных и знакомых:

«...и откуда что взялось?!», проглоти завистливое молчание, либо, что еще неприятней, фальшивую хвалу «коллег», и успокойся: оваций не будет!

Будут предложения от лукавых местоблюстителей «не зарывать в стол свой недюжинный талант», а щедро им делиться, для чего смело публиковаться в изданиях и участвовать в интернет-конкурсах на платной основе. А там тебе на первых порах дадут выиграть, объявят лауреатом, дадут грамоту, орден или медаль. Но дальнейшие награды будут напрямую связаны с твоими финансовыми возможностями, поэтому ты немало удивишься, увидев полный бант таких же наград на полном графомане, что неизбежно заставит тебя задуматься: а так ли все чисто на самом деле, если качество твоих произведений растет, а награды теперь уходят к другим, если не более талантливым, то, как видно, более кредитоспособным конкурсантам?

Конкурентная борьба между группами литераторов различных мировоззрений и политических симпатий при почти полной отстраненности государства превратилась в утилитарное соревнование кошелев и административных мускулов.

Своекорыстная чиновная власть, увлеченная непосильным трудом добывания насущной корочки хлеба с икрой, перестала нуждаться во внятной соборной идеологии и в ее литературных рупорах. А нежелание сколько-нибудь серьезным образом влиять на развитие литературного процесса прикрывается простой формулировкой: «Вы, писатели, сначала помиритеесь между собой, а потом просите нашей помощи!»

Классическое: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!»

Известный русский литературовед и историк Вадим Валерианович Кожин говорил: «Настоящий поэт — это, прежде всего, глубокий и самобытный человек. Поэтому и нельзя воспитать, специально "создать" поэта».

Пока ни шатко, ни валко, но еще работает инкубатор Литинститута и Высших литературных курсов, оставляя на скорлупках дипломов свои символические синие штампы.

Не умаляя значимости литературного образования, нельзя не отметить, что оно лишь инструмент, который принесет пользу, только попав в достойные руки. Только в руках человека, сумевшего закалить свой природный дар в трудах, а порой и лишениях, накопившего жизненный опыт, который не обязательно определяется количеством прожитых лет, полученные знания и навыки сочинительства могут способствовать появлению глубоких, талантливых произведений.

Не осознавшие этого, довольные лишь своей приобщенностью к этому миру чаще всего лихорадочно пытаются обрести хотя бы внешний лоск литературной респектабельности, радуясь счастливой возможности быть «на подхвате» у более удачливых «делателей отечественной культуры».

Беда в том, что зачастую именно зубастым и горластым негодям с эластичной нравственностью и не менее гуттаперчевым «лизоблюдам» сдается сегодня политое потом и кровью героев «бородинское поле» русской литературы.

Истинные подвижники и патриоты вытеснены на обочины, в «скиты» музыкально-литературных объединений и художественных студий библиотек, замордованных менеджерами культуры, которые из года в год сокращают штаты, урезают подписку на периодические издания и вместо центров формирования культуры молодежи в духе современного гражданского общества хотят сделать из библиотек досуговые центры — «доилки» родителей этой молодежи.

Боюсь, что новации типа создания в библиотеках платных рабочих пространств (коворкингов) приведут к тому, что и с библиотечных общественно-литературных студий и кружков потребуют арендную плату и это приведет их к постепенному полному вымиранию.

Фредерик Гарсия Лорка говорил: «Поэт — это самая печальная радость на свете...»

Один из парадоксов человеческой жизни состоит в том, что, старея телесно, в душе мы остаемся молодыми, и более всего это относится к натурам поэтичным.

Наиболее сложная и наиболее распространенная группа начинающих литераторов — возрастные пенсионеры, которые по слову «от скуки — на все руки», освоившись от забот по уходу за повзрослевшими внуками, обращают скопившиеся наблюдения и эмоции в рифмованные и не рифмованные лирические воспоминания, с потугами на право называться литературой. Для многих из них, особенно для одиноких, стихи становятся единственной возможностью излить душу, разделить с миром свои печали, заботы и опасения.

Основная масса таких литераторов относится к своим произведениям, как к неким духовным «костылям», помогающим удержаться на ногах в условиях резко изменившихся обстоятельств жизни в мире, в стране, в семье. Поэтому, в отличие от профессионалов, они охотно платят тому, кто готов похвалить их «продукцию», опубликовать и даже наградить лестным значком или званием, иногда за пределами претенциозным, типа «короля поэтов». При этом новоиспеченных «королей» мало беспокоит качество «костылей», их легко успокаивает сотня-другая «лайков» от таких же, как они, «специалистов».

Довольно часто бывает непросто преодолеть амбиции авторов, уже «отравленных» похвалами родственников и дру-

зей, и растолковать им, что способность своими искренними стихами возбудить сочувственные эмоции дилетантов — это еще не поэзия, а первый робкий шаг на пути к ней.

Многих поначалу вполне удовлетворяет статус «первых на деревне», и дай Бог им успеха, но печально, когда эти «солдаты» изъявляют желание стать «генералами», никого не слушая, ничему не обучаясь, и считая, что им вполне достаточно имеющихся у них запасов природной гениальности.

Такие со временем могут, конечно, пробиться не в один, так в другой из общественных творческих союзов, но не факт, что подобные новобранцы увеличат мощь этих объединений. Хотя в матушке-России всегда найдутся люди, которые неопитам и посочувствуют, и даже изобразят восхищение их экзерсисами — перед тем как помочь им облегчить кошелек.

Мой опыт много раз подтверждал, что не следует даже пытаться вытаскивать такого «творца» из его «обморока», будет только хуже. Пусть уж лучше пребывает в блаженном заблуждении. Здесь не будет лишним вспомнить слова мудрого царя Соломона: «Обличай премудрого — он тебя возлюбит; не обличай безумного — он тебя возненавидит».

В Студии «Свежий взгляд», номинальным руководителем которой я волею судеб оказался, нет ни «рядовых», ни «генералов». Это маленькое сообщество равноправных, умудренных житейским опытом людей, прошедших непростую школу жизни, но сумевших сохранить осмысленный романтизм и свежесть восприятия. Здесь мы делимся своими ощущениями и эмоциями и учимся друг у друга умению противостоять год от года возрастающей «агрессии» окружающей среды. Единственное мое категорическое требование к членам студии: критиковать с любовью, дружелюбно и без ревности. Какой бы жесткой критики ни заслуживали «опусы» начинающих, разбирать их следует с особым бережением и мягкостью. Библейская мудрость гласит, что правда без любви — есть ложь.

Когда человек не претендует на что-то запредельное, ему вполне достаточно того, чтобы его дружелюбно выслушали, да и в наши планы не входит непременно вырастить из подростка, и без того заслуженного человека, еще и лауреата каких-либо премий по литературе. Хотя и огорчает, когда, в общем-то, вполне, казалось бы, одаренный автор с безапелляционной самонадеянностью публикует откровенно «сырые» стихи в пресловутой «авторской редакции». Особенно, если он не жалеет своих «сиротских грошей» на роскошное полиграфическое оформление, контрастно оттеняющее явно дилетантское содержание. И все же, господа борцы за чистоту русской литературы, может быть, не стоит вышибать «костыли» у пока еще не дозревших поэтов, и тогда по закону диалектики количество непременно перейдет в качество?

Пусть авторы «Стихи.ру-ют» себе как их душе угодно, лишь бы не выпадали из активного социума и не роняли планку самооценки. Ведь при любом раскладе само по себе желание писать, а стало быть, неизбежно, и читать, и слушать стихи, уже характеризует человека с положительной стороны и не может не вызывать уважения. Наверное, «выворачивать друг перед другом душу и вправлять друг другу мозги» в литературных дискуссиях все же предпочтительней, чем гонять черных кошек сплетен по темным закоулкам сознания.

Руководство Московской городской организации СП России неоднократно призывало нас активной работать в библиотеках. В русле этих призывов мы и действуем.

Пётр ГУЛДЕДАВА,
поэт,

руководитель литературной студии «Свежий взгляд»
шеф-редактор ежегодного альманаха «Шарманка»

РЕКЛАМА

книги

газеты

журналы

интернет-издания

блоги

литературный портал и магазин современной литературы и периодики

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ИНТЕРВЬЮ

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. В советское и перестроечное время работал в журналах «Огонек», «Столица», «Мы», «Трезвость и культура», газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Крестьянская Россия» и др. Редактировал корпоративные газеты «Вестник Мосэнерго» и «Госстрах». В настоящее время издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газет «Литературные известия», «Поэтоград», портала «Читальный зал» и других литературных СМИ. Заместитель главного редактора газеты общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка: Люди и дела». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» (за трехтомную монографию «Жанры и строфы современной русской поэзии»), премий журналов «Нева» и «Сура» (за стихи). Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ПОЭЗИЯ — ЭТО НЕ ПОПСА!..»

— Евгений Викторович, поздравляю Вас с юбилеем. Вы много добились в жизни. Но, прежде всего, Вы, конечно, известны как поэт. А как Вы начали писать стихи?

— Я начал писать в 14 лет. Влюбился. Взаимностью мне не ответили. И на этой почве стал писать трагические стихи о том, что жизнь прошла... И, разумеется, стал много читать. У нас дома было огромная библиотека. И я взахлеб читал стихи Эдуарда Асадова, Евгения Евтушенко, Татьяны Бек, прозу Василия Аксенова, Анатолия Гладилина и многих других авторов, со многими из которых потом познакомился. Любовь к классике мне привил старший брат Георгий, который был в тысячу раз начитаннее и способнее меня. Он тоже писал стихи. Он пропал без вести в возрасте 37 лет.

— Какая книга на Вас произвела самое большое впечатление в детстве, отрочестве?

— Лет в пятнадцать я прочитал «Люди, годы, жизнь» Ильи Эренбурга. И эта книга повлияла на мою судьбу. Я тоже хотел прожить яркую жизнь, полную странствий. Отчасти мне это удалось. Я, коренной москвич, много лет провел в русской провинции, учился в Женеве, жил в Нью-Йорке, стажировался и работал во французской прессе переводчиком и т.д. Большинство моих рассказов и романов написаны на личном опыте, там практически нет никакой выдумки. Можно сказать, что это документальная проза, даже очеркистика.

— О Вас оставили положительные отзывы многие известные критики и поэты: Татьяна Бек, Константин Кедров, Тамара Жирмунская, Сергей Бирюков, Александр Тимофеевский, Александр Иванов (пародист), Сергей Мнацаканян, Андрей Коровин, Владимир Алейников, Михаил Поздняев, Лев Аннинский, Владимир Бояринов, Игорь Панин, Сергей Арутюнов, Кирилл Ковальджи, Марина Марьяшина и многие-многие другие. А были отрицательные отзывы?

— Конечно, были. Я благодарен за любой отклик. И за положительный, и за отрицательный. Однажды замечательная Полина Складнева прислала мне в редакцию журнала «Дети Ра» разгромную статью про одну мою книгу стихов. Я эту статью внимательно прочитал и... напечатал. И многое почерпнул полезного из той статьи. Я не устану повторять, что критик — союзник поэта (прозаика). И если о тебе пишут (даже не лестно), то не исключено, что ты не пустое место.

Совсем недавно мне прислал ПДФ своей книги о верлибре знаменитый поэт Вячеслав Куприянов. Там, в одной главе, он остановился на нашей весьма жесткой литературной полемике двадцатилетней давности относительно творчества Геннадия Айги. Куприянов Айги критикует, а я своего старшего товарища, Царствие ему Небесное, Геннадия Айги, разумеется, защищаю. Но главное не это. Главное то, что в конце книги Куприянов публикует мини-антологию русского верлибра и печатает стихи Мандельштама, Солоухина, Винокурова, Кедрова, Джангирова и... Вашего покорного слуги, называя меня последователем Бурича. Я был потрясен. Потрясен благодарством Вячеслава Глебовича Куприянова... Но правильно, так и должно быть: мы дискутируем, полемизируем, но это не мешает нам уважать друг друга.

— Некоторые Вас считают авангардистом, некоторые — традиционалистом. А Вы сами как себя позиционируете?

— Когда мне было 17 лет, меня называли поэтом-авангардистом. Когда мне было 27 лет, про меня писали в журнале «Знамя, что я городской поэт.

Когда мне исполнилось 57 лет, один критик решил, что я автор одной темы — данной. Все по своему — правы.

Я пишу в разных стилистиках. Так было и раньше, так происходит и сейчас.

Прекрасная Татьяна Бек, с которой мы дружили более двадцати лет, обижалась на меня за то, что я (она ценила меня как традиционалиста-смысловика — это ее выражение)

увлекаюсь формальными экспериментами; авангардисты, наоборот, считают, что я стал кондовым силлаботонщиком. Претензии эти понятны. Но дело в том, что традиций в русской литературе много. Просто их надо знать. Для каждого состояния души подходит своя форма. Когда Крученых пишет заумные стихи, похожие на крик, о гражданской войне, то я понимаю, что по-другому он не мог выразить весь ужас от кровопролития.

— Кого Вы считаете своим учителем в литературе?

— Прежде всего, меня учила моя мама — она была замечательная переводчица с немецкого языка, с ранних моих лет прививала мне любовь к слову. В пятнадцать лет я показал свои стихи Виктору Коркия, он тогда работал литконсультантом в отделе поэзии журнала «Юность». Виктор Платонович сказал мне первые добрые напутственные слова. В 17 лет я познакомился с Наташей Лихтенфельд, с которой мы вместе учились (сидели за одной партой) на факультете иностранных языков, и которая стала главным редактором всей моей жизни, и мы вместе прожили сорок лет, вплоть до ее трагического ухода из жизни в 2021 году от ковида. Также в 17 лет я познакомился с Сергеем Бирюковым, и стал ходить в Тамбове, где тогда жил, в литературную студию «Слово», которой он руководил.

Потом, уже в Москве, я ходил в литобъединение «Магистраль» к Евгению Юшину — он очень строго разбирал мои стихи, и я за это ему до сих пор очень благодарен, потом я познакомился и подружился с Татьяной Бек, она был внимательным и доброжелательным моим редактором и публикатором. Потом я работал под началом Олега Хлебникова и Владимира Вигилянского (в журнале «Огонек»), Михаила Поздняева (в газете «Семья») и Артема Боровика (в газете «Совершенно секретно»). Я показывал свои стихи Семёну Израилевичу Липкину, и он давал мне ценные советы... Я дружески общался с Геннадием Айги, Константином Кузьминским (в Нью-Йорке), Владимиром Бояриновым, Валерием Прокошиным, Еленой Кацубой, Александром Тимофеевским, Кириллом Ковальджи, Натальей Гранцевой, со многими французскими, румынскими, болгарскими, венгерскими, американскими поэтами. Сейчас мы дружим с поэтом и прозаиком Юрием Казариным, с замечательной Ниной Красновой, с Константином Кедровым... Все эти и многие другие люди, разумеется, повлияли на меня.

Список классиков, оказавших на меня влияние, такой огромный, что места не хватит всех перечислить. Но, конечно, не могу не назвать Пушкина, Заболоцкого, Соколова, Кондратова, поэтов Великой Отечественной войны, Лианозовской школы. Это мои ориентиры, мои маяки. Это поэты разных направлений. Но права их любить у меня не отберет никто.

— Вы проводите большую работу по увековечиванию памяти поэтов... Издаёте книжную серию «Они ушли. Они остались», «СВЛ» (Судьбы выдающихся людей»). Я считаю, что это очень важная социально-значимая работа.

— Спасибо. Я выпустил три тома антологии «Они ушли. Они остались» (первый том вышел в 2011 году) и создал серию в нашем издательстве «Вест-Консалтинг» «СВЛ» (Судьбы выдающихся людей». В этой серии вышла моя книга про Татьяну Бек, книги Семена Резника про Вавилова, Ковалевского, других великих ученых, книга Нины Красновой про певца Анатолия Шамардина, Людмилы Осокиной про поэта Юрия Влодова. Сейчас я пишу монографию про замечательную поэтессу и литературного критика, выдающуюся переводчицу на немецкий язык русской прозы Наталию Лихтенфельд.

Это в самом деле очень важная работа. В книгах серии «Они ушли. Они остались» я чаще всего пишу о поэтах, которых знал лично, либо разбираю стихи любимых классиков. Во втором томе я анализирую одно стихотворение (лучшее, на мой субъективный взгляд) того или иного автора.

Эту работу мы будем продолжать.

— У Вас есть идеальный читатель?

— Мой идеальный читатель — Наталия Лихтенфельд. Но она ушла в лучший из миров.

Сейчас я все свои стихи читаю Ольге Ефимовой, замечательной поэтессе и литературному критику. Посылаю стихи Юрию Казарину в Екатеринбург, где он живет. Мы с Юрием часто говорим по телефону о поэзии. Постоянно беседуем о стихах с моей близкой подругой Ниной Красновой. Иногда читаю стихи своей дочке — она меня хвалит. Есть еще ряд людей, с которыми я общаюсь. Но таких людей не много. Их много и не должно быть. Все-таки поэзия — это дело сокровенное, интимное. Я не очень понимаю, как может (мог) поэт собирать стадионы. Поэзия — это не попса.

Но мне приятно, когда некоторые мои односельчане (я живу в поселке Быково Московской области) иногда читают мои стихи в журналах и книгах и говорят, что их что-то задело за живое. Например, мнение Надежды Ковакиной (она моя соседка по улице; ранее работала диспетчером в аэропорту Быково) мне не менее дорого, чем мнение иного профессионального филолога. Конечно, обратная связь нужна и важна.

— Вы более двадцати лет руководите издательством, журналами «Дети Ра», «Зинзивер» и многими другими. Фактически Вы успели поработать в разных эпохах. Когда было легче?

— Трудный вопрос. Но точно могу сказать: главное — это люди, с которыми ты работаешь. К великому сожалению, ушел из жизни мой друг, замечательный прозаик и редактор Владимир Шпаков, с которым мы десять лет подряд вместе делали журнал «Зинзивер». Я был издателем, а Володя редактором. Теперь нагрузки у меня возросли — мне приходится быть и издателем, и редактором. Журналы теперь выходят не 12 номеров год, а шесть. Но работа продолжается. За эти годы напечатаны сотни авторов. Я рад, что удалось дать площадку для многих талантов. Я благодарен всем, кто мне помог и помогает делать наши журналы.

Что такое для Вас поэзия?

— Поэзия — такое емкое понятие... Я считаю, что поэтов не много. И хороших стихов не много. И подлинных ценителей поэзии не много. То, что называют поэзией, зачастую просто рифмованная продукция. Так было. И так есть.

— Нужны ли сейчас — век интернета и социальных сетей! — толстые литературные журналы?

— Конечно, нужны. Это своеобразный фильтр. Журналы все-таки выбирают (призваны выбирать!) лучшее, что есть.

— Вы писатель, редактор, издатель, кинорежиссер... Как Вам удается совмещать такие разные виды деятельности?

— Для меня это все органично. Возможно, тут сказывается генетика. Мама у меня, как я уже говорил. Филолог-переводчица, а отец — залуженный экономист России. Я тоже и филолог, и экономист. И предприниматель. На самом деле у писателя и предпринимателя много общего. И тот, и другой должны на 100 процентов отвечать за свое слово.

Окончание на стр. 8

ИНТЕРВЬЮ

Окончание. Начало на стр. 7

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ПОЭЗИЯ — ЭТО НЕ ПОПСА!..»

— Какие Ваша книга для Вас самая важная?

— Я написал три романа, две повести (повести были напечатаны в престижных журналах «Нева» и «Звезда»), несколько филологических и культурологических книг, которые вышли в разных странах мира, издал несколько поэтических антологий, снял два полнометражных фильма и множество телевизионных передач. Однако считаю, что мой главный труд — это стихотворная книга «Младший брат травы». Над ней я работал более сорока лет. Многие стихи переписывал в разные периоды времени. В итоге в сборнике представлены стихи в той редакции, которая меня на сегодняшний день устраивает. Книга продается в магазинах и полностью размещена в открытом доступе на портале «Читальный зал».

— Ваши планы на будущее?

— Издательство продолжает работать. За двадцать один год мы выпустили более двух тысяч наименований книг.

Это книги Геннадия Айги, Владимира Алейникова, Анны Альчук, Сергея Арутюнова, Сергея Бирюкова, Михаила Бойко, Владимира Бояринова, Лео Бутнару, Яна Бруштейна, Юрия Влодова, Татьяны Грауз, Ольги Ефимовой, Тамары Жирмунской, Юрия Казарина, Владимира Казимирова, Максима Замшева, Анастасии Ермаковой, Сергея Мнацаканяна, Елены Кацубы, Константина Кедрова, Кирилла Ковальджи, Надежды Кондаковой, Любви Красавиной, Нины Красновой, Анатолия Кудрявицкого, Бориса Кутенкова, Максима Лаврентьева, Славы Лёна, Светы Литвак, Наталии Лихтенфельд, Анатолия Малкина, Вилли Мельникова, Людмилы Осокиной, Игоря Панина, Егора Радова, Семёна Резника, Веры Сажиной, Виктора Сосноры, Александра Тимофеевского, Александра Ткаченко, Александра Файна, Евгения Харитоновна, Вячеслава Харченко, Андрея Шацкова и многих-многих других. Ну, а в периодике это сотни имен из разных городов и стран.

— Издательство — это выгодный бизнес?

— Это вообще не бизнес. Вышел в ноль — и будь доволен. Хотя бы без убытков. Но это любимое дело. А когда занимаешься любимым делом, то работать легко. И помощь приходит от разных людей. В настоящее время я рад, что могу издавать все, что считаю нужным. Я не получаю грантов, даже не подаю на них. Пришло время не ждать помощи от государства, а самому в меру своих сил помогать ему. Тем более сейчас. Тем более когда что-то понял и научился делать. И еще. За эти годы я точно уяснил, что свобода — это единственная конвертируемая валюта. Когда человек свободен и самостоятелен, он может сделать очень многое. В шестьдесят лет я могу это констатировать.

Беседу вел Фёдор МАЛЬЦЕВ

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

АТТИЛА БАЛАЖ (BALÁZS F. ATTILA)
В ЭТИ МГНОВЕНИЯ

Аттила Ф. Балаж — известный венгерский поэт, прозаик, переводчик, редактор и издатель. Родился в 1954 году. Получил образование в Институте католического богословия в Альба-Юлия. В Бухаресте учился по специальностям «библиотековедение» и «литературный перевод». Живет и работает в Венгрии. Пишет на венгерском языке. Автор многочисленных публикаций и книг, вышедших в разных странах мира. В 2024 году в Издательстве Евгения Степанова в переводах Мирославы Метляевой вышла первая книга на русском языке — «Избранное».

ТРИЕСТ

после бурной ночи
небо чистое как глаза после полуденного сна
волны апатично принимают
устойчивые позы
бриз ласкает листья кустарников и деревьев
ожившие цветы девичьи волосы
в порту тупо качаются корабли
на берегу девушка с тугой кожей
сосредоточенно рисует что-то на песке
щенок приближается мелкими шажками
составить компанию
и все обнюхать
его хозяин вглядывается в горизонт
акулы не атакуют меня
бомбы не взрываются
одинокую девушку никто не соблазняет
никакое цунами не угрожает побережью
в этой великолепной скуке
не родиться даже стихам

КУБ

как заблокированный диск время
повторяется до бесконечности

огромная рука выдергивает
куб
но здание не
обрушивается

продолжает свою эквилибристику
ты словно жил вечно
но по сути жил ли ты когда-нибудь?

ОБЛАКО

укрепляю свой духовный иммунитет
поэзией
и кто принимает меня всерьез?
кого тронет хоть какая-нибудь метафора?
неужели мне удастся пробить
бреши в серой стене?

к чему приводят стершиеся стихи —
в пузырях диалога?

ИГРА

те же повторы
в ожидании завершения игры
но игра никогда не заканчивается
и фактически невозможно повторить
ничего

на страшном суде
ты получишь новехонькие игральные карты
тренируй свое падение
с трясущегося
седла
боль последует только потом

ГЛАЗА

Я пытаюсь угадать:
чьими холодными глазами
смотрит на меня смерть в ожидании
добычи за окном
среди ветвей обездвиженных
судорогами?

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

кофейный пар расплзается над
чашкой как сонное животное
в эти мгновения его аромат
смешивается с благоуханием
скошенной травы и цветов
в начале лета
горьковатый привкус на языке
будоражит все твои клетки
горячие глотки рожают
тепловые волны
от пищевода до вхождения в желудок
твое тело покачивается
как пришвартованный корабль
в тихом порту

Это все еще ты
потом
в оглушительном скрежете
трамвая
ты активизируешь свою повседневность

ТИШИНА

тишина скапливается в пространстве
как воздух в шаре
внутри: целостность
снаружи: отчуждение

Перевела с венгерского
Мирослава МЕТЛЯЕВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Новая книга известного поэта Сергея Попова «Прямая наводка» состоит из следующих шести разделов: «Лукавая буква», «Никотиновая любовь», «Оголтелая луна», «Ход конем», «Люди, звери, острова», «Страшно сказать». Каждый раздел состоит из семи-девяти стихотворений.

Наиболее интересным мне показался финальный раздел книги — «Страшно сказать». В одном из лучших стихотворений этого раздела Сергей Попов размышляет о вопросах творчества, о человеческой судьбе.

Автор констатирует противоборство человека и языка:

Страшно сказать и забавно смотреть,
как пререкаются слово и плоть.
Небокопченья последняя треть
всякую чушь подвигает молоть.

Поэт вынужден заговаривать пустоту даже тогда, когда, казалось бы, все уже сказано и нет необходимости писать, чтобы сообщить нечто внятное на рационально-обыденном уровне. Пусть это будет едва разборчивое бормотание, но убийственная тишина не оставляет поэту выбора:

сказано все — отдыхай да толстей,
но тишина пробирает насквозь.

И чтоб не выдалось раны сквозной,
крови несметной, дурацкой беды,
необходимо и в холод, и в зной
новый объем выдавать лабуды.

Сергей Попов как бы встает на точку зрения обывателя и называет чушью и лабудой то, что для определенного рода поэтов, в том числе и для самого автора книги, дороже «времен и падежей», то самое заговаривание, бормотание:

...по зажимкам пустую печаль
испеляют ля-ля тополя

Эти ля-ля тополя — «банальности» «Песен без слов» Анненского, о которых писал Георгий Иванов:

Сергей Попов

Прямая наводка

М.: Библиотека журнала «Дети Ра», 2024

Все банальности «песен без слов»,
То, что Анненский жадно любил,
То, чего не терпел Гумилёв

Финал стихотворения подытоживает размышления Сергея Попова о собственной судьбе, вывод довольно суров:

Жидкая россыпь подержанных роз,
зимней отчизною брошенных в гроб.

Этот вывод отсылает нас к куда более оптимистичным строкам Игоря Северянина:

Как хороши, как свежи будут розы
Моей страной мне брошенные в гроб!

В книге Сергея Попова много бойких и афористичных строк, в них поэт с утвердительной интонацией являет свои взгляды на человеческую жизнь и мироустройство. Подобные сентенции встречаются на протяжении всей поэтической книги и характеризуют философичный характер представленной лирики, а за счет своего ритмико-интонационного построения они легко остаются в памяти:

Но правоту нести как знамя
легко у неба на виду —
ее материя сквозная
не подответственна суду.

* * *

...наука прошлого сторониться
одолима хуже иных на свете.

* * *

...на соблазнительной планете
от сумы рукою до тюрьмы.

Но лирика Сергея Попова не исчерпывается подобной глубокой философичностью, она также наполнена истинной поэтической красотой, в которую, по моим ощущениям, автор вкладывает всю свою душу:

По пятам запальчивого смеха
со слезами-вспышками внахлест
бродит неуступчивое эхо
среди опавших к заморозкам звезд.

Павел ЩЕРБАКОВ

Вера Сажина — поэт, художник и певица. Награждена отметиной имени Давида Бурлюка Международной Академии Зауми. Выступает с поэтическими перформансами. Поет свои песни в группе «Небесные Землемеры».

«Вторая книга» поэтессы состоит из стихотворений, написанных с 1998 по 2011 год. На первый взгляд, они представляют собой некий поток сознания, который организован главным образом по фонетическим принципам, во всяком случае, звукопись, которая местами настолько выпукла, что кажется вполне осознанной, выступает организующим началом многих стихотворных текстов поэтессы:

Мне снилось
все оккультические науки
произошли от
АКУЛЫ
акулические

Звуковая игра с созвучиями «к», «у» и «л» в приведенном отрывке очевидна, ею объясняется выбор тех или иных слов и фраз во многих произведениях автора. В дальнейшем эти слова могут обрести ассоциативными связями, казаться проявлениями сомнамбулических состояний лирической героини, но важно подчеркнуть, что первопричиной является именно звук. Еще один пример:

Вера Сажина

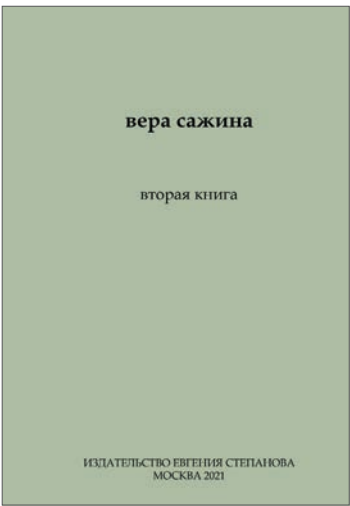
Вторая книга

М.: Издательство Евгения Степанова, 2021

Повесила
мою (лапушку)
куклу
без пояса цагаанского
с рукой белой
с сердцем черным
с волосами
седыми.
Оставила ее
в другом лесу

Здесь можно отметить следующие аллитерации и ассонансы: «с», «е», «у».

Тексты Веры Сажинной являются явлением искусства скорее синтетического, то есть такого, в котором напечатанный текст не вполне самостоятелен без предназначенных ему дополнительных элементов, то есть предполагается синтез. В данном случае в роли такого элемента выступает весьма оригинальное авторское исполнение, перформанс. Это не умаляет интереса к подобному творчеству, но для более полноценного проникновения в суть лирики Веры Сажинной читателю необходимо учитывать то факт, что многие фор-

мальные элементы поэтики данной лирики вытекают из движения сложных авторских голосовых модуляций.

Произведения Веры Сажинной похожи на заклинания, при этом в них ощущается дух свободы, одни элементы взяты от культуры хиппи, вторые от шаманизма, третьи от русского фольклора. Эта смесь создает уникальный мир автора.

Павел ЩЕРБАКОВ

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА
В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ

« ПОЭТОГРАД »

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

ОБНАЖЕННОЕ СЕРДЦЕ И МУДРОСТЬ ВЫСОКОЙ ДУШИ

Мария Петровская прожила не долгую, но яркую и полную свершений жизнь. Окончила филологический факультет МГУ, защитила кандидатскую диссертацию на кафедре истории зарубежной литературы.

И всю жизнь писала стихи. Замечательные стихи. В них — обнаженное сердце и мудрость высокой души.

Предлагаем вам, уважаемые читатели, несколько стихотворений из книги Марии Петровской «Игра слов. Пароль в окружающий мир», которая вышла в издательстве «Вест-Консалтинг» в 2024 году.

Евгений СТЕПАНОВ

МАРИЯ ПЕТРОВСКАЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ КНИГИ «ИГРА СЛОВ. ПАРОЛЬ В ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

ОДИНОЧЕСТВО

Звонко стучит: и не дождь, и не снег,
Пар и не пар — не метель, не туман,
Мелкой капелью ускоривший бег
Тающий снег — зимний обман.

Серые улицы, блеск фонарей —
Свет и не свет, отраженный в стекле
Ярких витрин, обращенных ко мне,
Взгляд, что нельзя ощутить на себе —
Взгляд манекена, которого нет.

Темный пролет — диалог ни о чем,
Каждый как будто бы ждет — и не ждет,
Медлим уйти — или наоборот —
Медлим остаться: страшит поворот.
Что-то сквозит: ток и не ток,
Связь и не связь,
Бурных фантазий пестрый поток
Взгляд этих глаз
Снова не виден,
Это все свет,
Или не свет?..

17.08.1999

ТИШИНА

Тишина. Печальная Луна
Мне с тоской кидает нити света.
Оттолкнув весь мир,
Я вновь одна.

Мерзну, словно Лир.
Моя орбита
Вновь ушла от вашей суеты.

И тебе ль понять, как я любила.
Много лет ради своей мечты
Шла к тебе, тянулась,
Что есть силы,
Не поняв, увы,
А что есть ты?!

ЗИМНЕЕ КОЛДОВСТВО

В кольце серебряном без пробы
Бриллианты раскидал мороз.
Блестят на озере сугробы:
Алмазы в серебре из грез.

Бежит лыжня по сказке белой
И в лес настойчиво манит,
А на ветвях заиндевелых
Росой хрустальной лед блестит.

Из тьмы полуночной порой
Летим домой, собрав всю волю.
А на поляне под луной
Уж собрались на пляски тролли.

ВЫ НАЗВАЛИ МЕНЯ ДЕКАДЕНТКОЙ

Черный кофе, картины на стенках.
И осенний печалит мороз.
Вы назвали меня декаденткой,
Может, в шутку, а может, всерьез.

Я согласна, согласна и пусть...
Говорили мне это не раз,
Что во мне декадентская грусть.
Окружил меня Cielec decadence.

И что за Cielec! Каких людей игра
В театре жизни на подмостках мира...
Но вот уже другим играть пора.
Они сметают все остатки пира!

Я оглянулась на тебя последний раз,
Веселый грустный Cielec de decadence.

FROM THE PAST

Из прошлого ль, которое недвижно,
Как лед на Орезунде временном,
Застыло, как мгновенье, бывши книжным,
Влетевши меж реальностью и сном.

Скачок тепла из времени былого,
Случайный взгляд, затормозивший мир
И подаривший прошлое мне снова,
Где жизнь моя сверкала, как сапфир.

Реальность, где я птица с длинным клювом,
Где я и ты, зеленый попугай,
Летающий ввысь, мечтающий о чуде
В огромном синем небе полетать.

ДОЖДЬ КАПАЕТ

Дождь капает — мы ждем, чего — не знаем сами,
Но взгляды говорят, и трудно не поймать
Ту искорку, что вдруг проскочит между нами,
Тот мимолетный блик — не нужно больше ждать.

Моим героем стать... о да, пожалуй, мог бы...
И, кажется, вот-вот затронешь ту струну...
Но будь чуть-чуть смелей — вокруг так много злобы,
А я с ней за тебя бороться не смогу.

Усталость от борьбы, побед и поражений,
Но где-то в глубине я чувствую опять:
Затеplился огонь и требует сражений.
Дождь капает — вперед, не нужно больше ждать!

АЛЬПИЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Несутся тучи низко над горой,
И ветер рвет жестоко листья с дуба.
Вдали, в горах, сиреневый покой,
А здесь за ветром дождь ворвется грубо.

На севере сапфир мелькает между туч,
А к западу рубиновые блики.
Но много облаков на склонах виснет круч:
Все больше их приносит ветер дикий.

ЛЕТИТ ДОРОГА ЛЕНТОЙ В СУМЕРКИ

Летит дорога лентой в сумерки,
Закат свалился в вату мглы.
Мир рухнул, как дворец из кубиков,
И сжался до ушка иглы.

И ты, взглянув на кромку месяца,
Вдруг прошептал в восторге мне:
«Смотри: луну на столб повесили»
И руку протянул к луне.

Она висела словно маятник,
Маяк на дальних берегах.
А мы, последние романтики,
Ее несли в своих руках.

5.10.2005

ВЫ КАК-ТО СКАЗАЛИ, ЧТО Я НЕ ПРАВА

Вы как-то сказали, что я не права,
А, может, наоборот?
Но очень страшно открыть глаза
И увидеть, что мир не тот.

Отделить от ночного дневной кошмар...
Где здесь правда, а где здесь сон?
Но все же надо открыть глаза
И смотреть, подавляя стон.

ДЫХАНИЕ ЛУНЫ

Дыхание луны над сетью облаков,
Мы на мосту вдвоем — не нужно слов.
Дорожка на воде серебряной струной
Неслышно мне поет: он твой.

И странные слова вдруг рвутся прочь,
И взгляд тех светлых глаз — как ночь,
И светится сапфир, и ток —
И сорван голубой цветок.

ЛУННЫЙ ВЕЧЕР

Через жалюзи светит луна,
Обрамленная кружевом веток.
Над горами висит тишина,
И в реке утонул лунный слепок.

По столу разбросало листья
Свежим ветром, внезапно проникшим,
И занесшим пустые мечты,
И бокал со стола уронившим.

Мне шептал он про чью-то любовь,
Он аккордом рванул, что есть силы,
Вдруг окно, что закрыть позабыла,
Отирая с руки своей кровь.

Наши чувства — зови — не зови,
Как осколки бокала в крови.

10.02.1999

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

АЛЕКСАНДР ВЕПРЁВ
ХОРОШАЯ ДЕВУШКА ЛИДА*

Александр Вепрёв — поэт. Родился в Кирове в 1960 году. Служил в авиации Черноморского флота в Крыму. Окончил Вятское художественное училище им. А. А. Рылова. Публиковался в журналах «Дети Ра», «Нева», «Зинзивер», «Юность», «Арион», «Журнал ПОэтов» и др. Автор многих книг стихов. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века. Живет и работает в Ижевске и Сочи.

ХОРОШАЯ ДЕВУШКА ЛИДА

Верлибр в трех верлибрах

I

В те давние советские времена
получил Василий Макарович
ключи от новенькой кооперативной квартиры
и решил жениться.
Перебрал в голове всех знакомых красоток —
кого же привести в новую квартиру?
Потом вдруг нахмурился, чихнул,
будто комар к нему в нос залетел:
одну красотку назвал нехорошим уличным именем,
другую — другим именем,
третью обругал матерными словами...

* «Хорошая девочка Лида» — название стихотворения
Я. Смолякова (прим. редакции).

II

Подумал, посоветовался с друзьями
и решил Василий Макарович
привести в новую квартиру
хорошую девушку Лиду,
молодую актрису, что жила...
а не было у нее своего жилья!

III

Снимала Лида угол в одной из подмосковных квартир.
И, несмотря на все неудобства как в съемном углу,
так и в личной жизни, по-доброму улыбалась.
Так улыбалась, что веснушки на ее молодом круглом лице,
казалось, тоже улыбались, а возле глаз начинали улыбаться
гусиные лапки.

IV

«А что Лидушке оставалось делать как не улыбаться?» —
с добротой в сердцах подытожил Василий Макарович
и, скрипнув желтыми от табака зубами,
тоже улыбнулся. По-доброму.
А на следующий месяц женился...

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Мир состоит из явлений простых и сложных, но даже
о самых простых каждый человек имеет свое уникальное
представление, что уж говорить о явлениях сложных и глу-
боких, которые настолько многогранны, что иногда сложно
понять — об одном и том же ли мы вообще разговариваем?

Наше литературное наследие, вне всякого сомнения, при-
надлежит к числу самых сложных явлений, возможно, оно
вообще самое сложное из того, что человечество смогло
представить за последние столетия, а потому чужой взгляд
на него и его творцов всегда любопытен. Как минимум этот
взгляд позволяет совершить попытку выйти за рамки собст-
венного понимания и увидеть мир несколько иначе.

В случае, когда современный автор демонстрирует свой
взгляд на исторические портреты, он показывает не только
свое видение, но и под интересным углом обнаруживает
самого себя, подобное и делает Татьяна Богданова в своей
новой книге «Пригоршня звездопада. История в лицах».

Книга состоит из нескольких разделов: «Серебряные дре-
безги», «Золотые брызги», «О героях войны 1812 года»,
«Цветная мозаика», «В русских песнях поэзия есть».

Вся книга пестрит эпиграфами, иногда их даже по два
к одному стихотворению. Автор очень начитан, ощущается
его горячая любовь к поэзии Золотого века.

Разделы «Серебряные дребезги» и «Золотые брызги»
наполнены отповедями и посвящениями несомненным клас-
сикам литературы, не только отечественной, но и зарубеж-
ной, а в разделе «Цветная мозаика» Татьяна Богданова посвя-
щает свои строки художникам, музыкантам, балеринам, жур-
налистам и политическим деятелям разных эпох.

В произведениях поэтессы часто встречаются моменты
из биографий исторических персон, цитируются их высказы-

Татьяна Богданова
Пригоршни звездопада

История в лицах. Стихи —

М.: «Вест-Консалтинг», 2024

вания, оцениваются поступки, дается характеристика их обра-
за, манеры выступлений и т. п.
Например, о Вертинском:

И голос, картаво-манерный,
Тоской ироничной звучал.

Общую тональность в книге задает чувство восторженно-
сти и сильная эмоциональной приподнятость у автора:

Я затерялась в траве.
Я читала стихи Мандельштама.
Солнце ласкало мне грудь,
Опьяненную воздухом строф.

«А я — бухгалтер» — произнес в ответ
Никем не превзойденный Чичибабин.

В разделе «В русских песнях поэзия есть» Татьяна
Богданова обращается к авторам более приближенным к сов-
ременности, это «шестидесятники», представители «тихой
лирики», поэты-фронтовики и другие авторы, которые,
к сожалению, менее известны широкой публике, например,
к замечательному поэту Борису Чичибабину.

Татьяна Богданова по-разному относится к тем, о ком
пишет. Кого-то автор возносит, а кого-то сурово бичует.
Бичует, как правило, по-своему интерпретируя сложные
и неоднозначные моменты из биографий исторических лич-
ностей. Соглашаться с автором или нет — каждый читатель
решил для себя сам.

Павел ЩЕРБАКОВ

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания Евгения Степанова «Диалог» создает фильмы
о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни.
Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко:
«Людей неинтересных в мире нет!»

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04 адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Каменный пояс».
5. Автор романа «Крошка Доррит».
6. Автор романа «Призрак оперы».
9. Автор романа «Доктор Живаго».
10. Автор поэмы в прозе «Мертвые души».
14. Автор романа «Приключения Тома Сойера».

По вертикали:

2. Автор романа «Дамское счастье».
3. Автор романа «Госпожа Бовари».
4. Автор романа «Человек-амфибия».
7. Автор романа «Шагреневая кожа».
8. Автор романа «Остров сокровищ».
11. Автор романа «Война и мир».
12. Автор романа «Лето Господне».
13. Автор романа «Пятнадцатилетний капитан».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ № 2931 Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007